

АРИСТАРХ РОМАШИН ПОЧТИ ЛЮБОВЬ



Счастье у каждого свое,
но не у каждого оно счастливое

16+

Аристарх Ромашин

Почти любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34710210

SelfPub; 2019

Аннотация

Московский донжуан Василий уверен, что любовь – это выдумка писателей, а в жизни настоящей любви нет. Но знакомство с Викторией заставляет его усомниться в собственных убеждениях. Василий боится открывать девушке своё сердце и обращается за помощью к психологу, чтобы преодолеть внутренние противоречия. Поможет ли психолог Василию справиться со страхом сердечной привязанности, заставив молодого человека поверить в любовь? Фото на обложке с сайта Pixabay.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	42
ЭПИЛОГ	46

Глава 1

Через три недели Рождество. Уже десять лет я в одиночестве праздную рождение великого младенца. Раньше, когда родители были живы, мы всегда собирались втроем. Мама просила меня поскорей найти себе женщину и подарить ей с отцом внука или внучку. Папа же отводил меня в сторонку и тихо спрашивал: «Сынок, ты случаем не из этих?». На что я отвечал: «Нет, папа, просто я еще не нашел свою вторую половинку», а после добавлял: «И вообще – куда вы спешите? Еще успеется». Потом их не стало.

Свою Еву я так и не встретил. Но это не значит, что я не предпринимал попыток отыскать свое ребро среди женщин Москвы. Я пытался. Попыток было много. Но ребра были не те. За исключением одного ребра.

Возможно, она не совсем Ева моей мечты, но что-то родное в ней было. Перед тем, как начать отношения с женщинами, я их предупреждал, что меня интересует только секс без обязательств. Никаких «сюсюканий». Я говорил: «Если я почувствую хотя бы маленький намек на любовь с твоей стороны, то мы расстанемся хорошими друзьями». Женщины соглашались. А потом влюблялись. И я уходил.

А что? Я ведь предупреждал...

С Викторией все получилось иначе. Она, конечно же, то-

же нарушила наш негласный договор и позволила пылкому чувству овладеть своим сердцем. Из-за чего мы с ней остались друзьями. Только ни с кем из своих бывших я после этого ни разу не виделся, а с моей победоносной мы вот уже шестую неделю каждую пятницу ужинаем в ресторане.

Наступила очередная пятница, вечер. Я заказал столик у окна: ей так нравится. Ресторан гудел голосами посетителей, в такт подыгрывая им классической музыкой. Зима во всю хозяйничала в городе. Я смотрел на падающие звездочки за окном, которые складывались в белоснежное полотно и блестяли при свете полной луны. А потом я увидел живую звездочку. Ровной походкой, в бархатном розовом пальто и в шапке кроличьего меха она нырнула в ресторан. Быстро нашла меня. Улыбнулась. И, на ходу растягивая пуговицы бархата, направилась ко мне.

– На улице холод такой же, как и в твоём сердце, – съязвила звездочка.

Я помог ей избавиться от пальто.

– Не согласен. Я не настолько бесчувственный.

Мы заняли свои места.

– Да-да, помню. Твое равнодушие распространяется только на женщин, которые без памяти от тебя.

– Сами виноваты, – улыбнулся я. – Рассказывай, как ты?

Виктория взяла меню и принялась разглядывать его. Я же принялся разглядывать её. Длинные золотистые волосы. Темно-карие глаза. Аккуратный ровный нос. Чувственные

губы. И коричневая маленькая точка над верхней губой. Не знаю почему, но у меня слабость к женщинам с родинкой над губами.

– Я нормально, – сказала она, листая меню. – На работе появился новый сотрудник. Доставал меня.

– Чем же? – спросил я, прекрасно понимая, к чему она ведет.

– Да все восхищался мной. Говорил, что я идеал красоты.

– Правильно говорил.

– Неделю назад, например, при девочках сказал, что завидует моему мужчине, – Виктория посмотрела на меня, но, не увидев ожидаемой реакции, продолжила разглядывать меню.

– Какой хитрец! – восхитился я. – Сделал комплимент и попытался разузнать, свободна ли ты. А ты что в ответ?

– Сказала, как есть, что мой мужчина не ценит этого.

– Неправда, – покачал я отрицательно головой, – ты знаешь, что причина не в этом.

К нам подошел официант. Спросил, готовы ли мы сделать заказ. Мы ответили, что да. Он принял заказ и ушел.

Виктория отложила меню и посмотрела на меня.

– И что было дальше? – поинтересовался я.

– Я позволила ему поухаживать за мной, – перешла в наступление Виктория.

– Хорош собой? – спросил я, не проявляя каких-либо эмоций.

– Не в моем вкусе, но сойдет.

– А кто в твоём?

– Как будто ты не знаешь. Он светловолосый, а мне нравятся темноволосые. У него серые глаза, а мне нравятся, – она пристально посмотрела на меня, – глаза цвета моря. В его взгляде юношеский задор, а мне больше нравится, – снова присмотрелась, – взгляд мудреца.

– Понятно.

– Но в постели он хорош, – сделала контрольный выстрел Виктория.

Её пули не достигли цели. Я остался бесстрастным. Теперь была моя очередь.

– Это главное, – пожал я плечами. – У меня же все по-старому.

– Можешь не начинать, – на корню загубила она возможность и мне пострелять.

– Хорошо. Как скажешь.

– Ты посмотрел фильм, который я тебе советовала? – ловко поменяла она тему.

– Нет, – соврал я. – Не люблю сопливых мелодрам.

– Ты вообще не любишь любить, – усмехнулась она.

– Не скажи. Люблю слушать лекции Черниговской.

– Одна из твоих очередных?

– Ты что! – воскликнул я и засмеялся. – Это российский ученый. Она мне в бабушки годится.

– Ну и что есть в ней, чего нет у меня?

– Слушай. Ты и она – это разные вселенные. Я тебе о другом хотел рассказать.

– Я вся твоя, – Виктория многозначительно посмотрела на меня.

– Ага. Я уже это понял, – просиял я. – Так вот, она утверждает, что мозг человека и сам человек – это две разные сущности.

– И что?

– Мол, когда человек принимает какое-либо важное решение, то это не он делает, а его мозг.

– Мозг, который принимает решение, основываясь на прошлом опыте. И если опыт был плачевным, то мозг пытается всячески уберечь своего хозяина от повторной ошибки. Так? – спросила она.

– Да! – удивился я. – Так ты тоже смотрела ту самую лекцию?

– И не только ту.

Кажется, я понял, чем Виктория отличалась от других женщин. Она была не только красивой, но и эрудированной. Я думал, что Виктория для меня, как прочитанная книга, но с каждой новой пятницей среди страниц её души я открывал для себя доселе неизвестные подробности.

В тот вечер, после ужина, я проводил её до такси и поехал домой. Я соврал ей. Мелодраму, которую она мне советовала, я посмотрел. Обожаю смотреть мелодрамы. Не верю в существование любви в жизни, но то, что любовь существует

в кино – это однозначно!

Говорят, что мужчины не плачут. Не верьте этому. Мужчины плачут. Плачут, как и все живые люди. Я плачу над каждым трогательным моментом в фильмах о любви. Плачу, проклиная сценаристов или писателей, написавших трогательные истории. И все же я считаю, что всепоглощающую любовь придумали писатели. В жизни такой любви нет. В жизни все прозаично и скучно.

Наши с Викторией пятничные встречи не запрещали нам знакомиться с новыми партнерами. В один из походов в ночной клуб я познакомился с привлекательной девушкой, которая все выходные и несколько будничных дней была со мной. Но вот что странно. Я напрочь забыл, как её зовут, хотя она три раз называла мне свое имя. Больше того, я несколько раз назвал её чужим именем.

– Не Виктория, – поправляла она меня. – Мое имя Виолетта. Кто такая Виктория?

– Не важно. Прости.

Оставшиеся дни я был один. Поймал себя на том, что постоянно думаю о Виктории. Боролся с желанием написать ей смску, но так и не написал. Не люблю навязываться. Мысленно вернулся к прошлой пятнице. Виктория, удивив меня тем, что тоже слушает лекции Черниговской, не дала мне до конца высказать мысль. Если не человек принимает свои решения, а это делает его мозг, тогда мое мировоззрение, что в жизни настоящей любви нет, хранитель моего спокойствие

сформировал, основываясь на каком-нибудь факте из моей жизни. Мне было интересно – на каком. В тот вечер я хотел рассказать Виктории, что записался к психологу. Не к кому попало, а к старому знакомому. Записался, чтобы разобраться с тараканами в моей голове.

Глава 2

Психолог Илья Пукас, выслушав меня по телефону, с радостью вызвался помочь.

Работал Илья в центре Москвы.

– Присаживайтесь, – предложила зеленоглазая секретарша. – Илья Егорович скоро освободится.

– Спасибо, – поблагодарил я.

С Ильей меня когда-то познакомила одна из моих многочисленных пассий. У нее были проблемы со сном. Первое время мы решали проблему вместе, потом она надумала решать сама, предварительно порвав со мной. А контакт остался. Она рассказывала мне, что одноклассники, а потом и однокурсники издевались над фамилией Ильи, обзывая его «пуком». Но Пукас никогда не срывался. Ему волшебным образом удавалось всегда оставаться спокойным. Время шло. Пукас стал ведущим психологом, а все, кто смеялся над ним – его пациентами.

Коричневая дубовая дверь, разделяющая приемную и кабинет Ильи, открылась, и к нам вышла женщина лет сорока.

– Спасибо вам огромное, Илья, – обернувшись, поблагодарила она. – До встречи в следующий четверг.

– До встречи. И помните, думать надо только о хорошем.

– Да, спасибо! – женщина закрыла дверь, попрощалась с

секретаршей и ушла.

– Можете войти, – разрешила зеленоглазка.

Серые занавески в кабинете Ильи поглощали свет, из-за чего комната утопала в полумраке. Но это не мешало Пукасу излучать тепло и позитив. Синие дружелюбные глаза. Длинные черные ресницы, которым позавидовала бы любая женщина. Волевой подбородок. Если бы Илья не стал психологом, то я больше чем уверен, что он мог бы податься в профессиональные модели.

– Здравствуй, Василий! – поприветствовал он меня. – Никогда бы не подумал, что главному донжуану Москвы понадобится помощь психолога.

Мы пожали друг другу руки.

– Всему свое время, – сказал я.

– Что верно, то верно, – согласился он. – Присаживайся.

Я плюхнулся в мягкое кресло.

– Работаешь или все еще нет? – спросил Илья.

– А ты бы работал, получив в наследство три квартиры в центре Москвы? В одной живу. Две сдаю. Денег достаточно.

– Все на женщин тратишь?

– Нет, не все. Раз месяц делаю пожертвование в разные детские дома.

– Интересно... – нахмурился Илья и стал что-то записывать в блокнот.

– Ты так незаметно начал сеанс? – восхитился я.

Илья улыбнулся и ответил:

– Это я так разогреваюсь.

– Хорошо, – сказал я, позволив креслу поудобней обнять мое тело.

– Почему ты делаешь пожертвование?

Я пожал плечами.

– Заметил, что даже несмотря на посещение различных вечеринок, у меня остается достаточная сумма.

– Интересно, – снова что-то записал Илья, – продолжай.

– Вначале я накопил на машину. Потом сделал ремонт. Несколько раз обновлял гардероб. Нанимал репетиторов на дом, чтобы выучить несколько иностранных языков. И однажды проснулся среди ночи с ясным пониманием того, что хорошо бы начать делать добро.

– Делать добро можно разными способами, – сказал Илья. – Например, пожелать кому-нибудь доброго утра – тоже добро.

– Согласен. Но я такое добро все время делаю. Хотелось чего-то большего.

– Интересно, – Илья снова что-то чиркнул в блокноте. – Есть у тебя предположения, почему ты избегаешь серьезных отношений с женщинами?

– Может, боюсь ответственности.

– Возможно, как вариант, – кивнул Илья. – Ещё?

Я призадумался.

– Боишься измены? – спросил психолог.

– Нет. Я считаю, если женщина изменяет, то в этом всегда

виноват мужчина, значит, он был недостаточно внимателен к ней.

– Хорошо, – сказал Илья. – Женщины когда-нибудь изменяли тебе?

– Если даже изменяли, то я об этом ничего не знаю.

– Как ты относишься к тому, что женщины первыми бросают тебя?

– Нормально, – ухмыльнулся я. – Это они думают, что бросают меня.

Илья улыбнулся.

– Понимаю. Хорошо. Окунемся в океан твоего прошлого?

– Я не против. Только вряд ли ответ на вопрос прячется не дне океана моей памяти, – подхватил я метафору Ильи.

– Вот и узнаем. Устройся поудобней.

– Уже. Глаза закрывать?

– Как хочешь, – сказал Илья и откинулся назад.

Окно с серыми занавесками находилось за спиной Ильи. Когда Пукас откинулся в кресле, полумрак окутал его лицо. А тонкая полоска света, проникающая через прорезь между занавесками, ослепила меня. Возникло ощущение, что я остался один на один со своей душой.

Я закрыл глаза.

– Твои родители держали домашних животных?

– Да, – ответил я.

– Расскажи об этом.

– У нас был кот. Такой красивый и забавный. Отец пода-

рил мне его на десятилетие. Я прозвал его «Царем».

– Почему?

– Не знаю. Хотя он и животное, но в его взгляде улавливалось что-то величественное. Наверное, это глупо, – ухмыльнулся я.

– Почему же, – звучал голос Ильи, – некоторые люди способны чувствовать внутреннюю сущность собеседников и точно определить, кто перед ними, даже если внешнее впечатление говорит о другом. Вполне вероятно, что и с животными так же.

Я, не открывая глаз, согласно кивнул.

– Ты любил кота? – спросил Пукас.

– Хм... Я был к нему привязан. Мне было с ним весело.

– Долго кот пробыл с вами?

– Примерно три года. Потом он сбежал.

– Тебе было грустно?

– Да. Я скучал по нему. Я беспокоился о нем.

Я умолк, предаваясь воспоминаниям.

– И? – потревожил меня Илья, когда молчание затянулось.

– По пути в магазин, переходя через дорогу, я увидел Царя посреди дороги. Мертвым.

– Почему ты уверен, что это был именно твой кот?

– Наш кот был черно-белым. Но там, где у котов находится сердце, шерсть у него была коричневой.

– И как ты поступил?

– Я похоронил Царя. А с ним и свою привязанность.

– То есть?

– Я дал себе слово, что больше никогда и ни к кому не буду привязываться. После этого эпизода я жил в страхе.

– Интересно, – сказал Илья. Я услышал, как карандаш скользит по бумаге. – В страхе чего?

– Я боялся потерять родителей.

– Потому что был привязан к ним?

– Потому что... – запнулся я.

– Что?

– Я любил их.

– Отлично. Значит ты способен любить.

Я открыл глаза. Илья поддался вперед, выползая из мрака.

– Ты похоронил чувство привязанности, но чувство любви у тебя осталось.

– Тогда почему я не могу никого полюбить?

– Мы это узнаем, – сказал Илья и посмотрел на часы. – На сегодня достаточно. Ты должен поразмышлять об этом. Вектор размышления у тебя есть. Будь готов к встрече со своим страхом. Запишу тебя на следующий четверг на это же время?

– Да, конечно. А ты разве не уходишь в отпуск?

– Нет, в этом году решил выйти после нового года, ближе к Рождеству.

– Понятно.

– Если есть кто-нибудь, кого бы ты мог подпустить к себе, то советую тебе попробовать сделать это, – посоветовал мне

Илья.

– Если не получится?

– Тогда нам будет что обсудить, – улыбнулся Илья.

«Завтра пятница, – подумал я. – Есть у меня такой человек».

– А какая она – любовь – на твой взгляд? – поинтересовался я.

– Хм... – Илья нахмурился. – Однозначного ответа нет. Описать состояние любви сложно. У каждого оно свое.

– Например?

– У одних любовь – это привязанность. У вторых – уважение. У третьих – взаимопонимание. У четвертых – доверие и преданность. У пятых – нечто неосязаемое. У шестых все вместе взятое.

– Получается, – сказал я, – шестые самые счастливые.

– Возможно, – улыбнулся Илья. – Счастье тоже у каждого свое.

Глава 3

Счастье у каждого свое, но не у каждого оно счастливое. Весь вечер после приема у Ильи и весь день в пятницу я избегал возможности размышлять и копаться в себе. Вместо этого я думал о Виктории. Меня волновало ожидание предстоящей встречи. Раньше такого не было.

Что со мной происходит? Любовь или привязанность?

На этот раз я выбрал японский ресторан. Благодаря внутренней архитектуре заведения у меня складывалось ощущение, что, переступив порог двери, я из Москвы телепортировался в Японию. Стены, мебель и даже одежда «гейш» пестрили красно-золлистыми узорами. Играла тихая японская музыка.

Черные собранные над головой волосы, из которых выглядывала золотая палочка, узкие, карие глаза, дружелюбная улыбка и японский акцент официанток убедительно дополняли картину. Единственно, что не сочеталось с общей картиной – одинокий рояль в углу.

– Куда ты все время смотришь? – спросила Виктория, проследив за направлением моего взгляда.

– Там рояль. Причем довольно древний. Марки Братья Дидерихс

– Ты разбираешься в инструментах? – удивилась она.

– Играл когда-то, – ответил я.

– Да? Почему же я об этом не знаю?

– Ты много чего обо мне не знаешь, – усмехнулся я.

– Хочешь – иди сыграй на нем, раз рояль увлек тебя больше, чем мое присутствие.

– Прости, – сделал я виноватый вид. – Просто инструмент не вписывается в общий интерьер. Только и всего. Видимо, владелец ресторана музыкант или ценитель старинных вещей.

Я одарил Викторию теплым взглядом и спросил:

– Рассказывай, как ты провела эту неделю. Новый кавалер оказался твоим принцем?

Виктория взяла в руки меню, зарядила обойму и начала:

– Я с ним рассталась.

– А что ж так?

– Скучным оказался. Зато познакомилась с другим. Спортсмен. Накаченный, красивый.

Она посмотрела на меня, надеясь увидеть хоть какую-нибудь эмоцию на моем лице. Но меня заботили не острые пули Виктории, которые все время попадали мимо цели, меня заботило то, как мне рассказать ей о том, что я, наверное, готов открыться и впустить её в своё сердце. Но следующий выстрел Виктории чуть-чуть царапнул моё самолюбие.

– Кстати, он намного красивей тебя.

– Да? Я рад за тебя, – сухо ответил я.

Виктория оживилась, видимо, радуясь, что смогла выве-

сти меня на эмоцию. Но я быстро взял себя в руки.

– Буду рад, если у вас все получится.

– Получится, будь уверен, – просияла она.

– Ты словно маленькая принцесса, которая внезапно стала взрослой королевой, – решил и я пострелять.

Виктория призадумалась, затем спросила:

– В чем разница между принцессой и королевой?

– Принцессе прислуживают. Королева повелевает.

– Не согласна. Королеве тоже прислуживают.

– Да. Но не из-за уважения, а из-за страха.

Виктория нахмурилась.

– Не пойму, что ты хочешь сказать?

– Мужчины без ума от тебя, потому что боятся.

– Боятся меня?

– Нет. Боятся потерять тебя.

– Хм... Это был комплимент?

– Нет. Факт.

В глазах Виктории кокетливо вспыхнули искорки.

– Ты тоже боишься потерять меня?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я самодостаточный.

– То есть?

– У меня есть важные задачи, в которые не входит восхищение ароматом цветка. Пусть даже этот цветок из райского сада, – прогремел последний выстрел.

– Понятно.

Виктория встала.

– Ты куда?

– Домой.

– Доешь ужин.

– Спасибо. Если моего аромата нет в твоём списке задач, то пойду.

– Уверена?

– Да.

– Хорошо, – пожал я плечами, – тем более если дома ждет накаченный красавчик.

Виктория надела пальто и молчаливой плавной походкой уплыла из ресторана в объятия холодной зимы. Мне хотелось остановить её, но я не стал этого делать.

Весь вечер я ругал себя за то, что смалодушничал. Мне уже за тридцать и пора бы позаботиться о личной жизни, а не играть в кошки мышки. Возможно, Виктория не совсем та женщина, которую я бы хотел видеть, просыпаясь каждое утро, но она первая женщина, о ком я думаю каждый день. Первая после... Нет, не хочу об этом вспоминать.

Интересно, Виктория придет в следующую пятницу?

Глава 4

В выходные, а потом и все будни я боролся с желанием написать смс или позвонить Виктории. За все то время, что мы следуем пятничному ритуалу, ни она, ни я никогда не переписывались на неделе. В пятницу утром я посылал ей смс с адресом, где мы встречаемся, получал от неё короткий ответ «буду» и на этом всё. Мне с большим трудом удалось не нарушить нашу привычную схему.

Поход в ночной клуб не дал улова. Возможно, это от того, что я и не пытался закидывать удочку. Поэтому всю неделю я прожил в одиночестве. Читал книги, смотрел фильмы, спал и ждал четверга.

В среду я поехал в магазин детских вещей и купил одежды для сорока пяти детей. Директор детского дома попросила завезти вещи в канун Рождества.

– Во вторник утром мы с моим замом поведем детей в Пушкинский музей. Поэтому вас встретит наша новая сотрудница, – говорила она по телефону. – Ближе к делу скину вам ее номер телефона.

– Отлично, можете не волноваться, – заверил я её.

Наступил четверг, а с ним и тридцать первое декабря. До Рождества оставалось шесть дней, и шесть часов до встречи с грустным воспоминанием, которое я пятнадцать лет назад

утопил в океане моей памяти (уж больно мне понравилась метафора Ильи). Наверное, я не смогу рассказать Илье о том воспоминании. Тем более, как мне казалось, оно не имело отношение к ответу, который мы ищем.

Время до приема к Илье пролетело за чтением книг.

Кабинет Ильи встречал меня все тем же полумраком, а сам Илья – рукопожатием.

– Как провел неделю? – поинтересовался Илья, откинувшись в кресле.

– Как обычно, – улыбнулся я. – Бесцельно растрачивал бесценный дар Бога.

– Да, – кивнул Илья, – надо тебе начать развивать свои таланты, используя отведенное тебе время.

– Если б талант был, то я бы с удовольствием.

– Талант явно есть.

– Почему ты так уверен? – спросил я.

– Тебе не нужно заботиться о зарплате. У тебя много свободного времени. Во Вселенной ничего не происходит просто так. Что тебе больше всего нравится делать?

– Много чего, – усмехнулся я.

– Должно быть что-то одно, что дается тебе легко и доставляет огромную радость.

Я призадумался, а затем спросил:

– Ухаживание за женщинами считается?

Илья рассмеялся и ответил:

– Нет.

– Тогда не знаю.

– Ладно, значит, еще не пришло время. Ты узнаешь, когда оно наступит.

– Надеюсь.

– Возвращаясь к женщинам, ты подпустил кого-нибудь к себе?

Я замялся.

– Пытался, но не получилось, – ответил я.

– Почему?

Отпуская некоторые подробности, я рассказал ему о пятице.

– Кстати, хороший японский ресторан. Советую, – закончил я.

– Как называется?

Я назвал адрес и название ресторана.

– Возможно, у них целая сеть, ты сходи именно в этот.

– Хорошо, – Илья записал адрес, затем продолжил: – Возвращаясь к нашей проблеме. Неужели ты настолько самовлюблённый нарцисс, что какое-то сравнение могло тебя разозлить?

– Я бы не сказал.

– Тогда причина не в этом. Твой мозг заставил тебя отреагировать таким образом, чтобы оградить тебя от важного шага.

– Думаешь?

– Ты размышлял в том направлении, которое я тебе задал

на прошлом приеме?

Я виновато отпустил глаза и ответил:

– Нет.

– Интересно, – сказал Илья и записал что-то в блокнот. – Давай разбираться. Устройся поудобней.

– Уже, – сказал я, растворяясь в мягком кресле и закрывая глаза.

– Ты утверждал, что боялся потерять родителей, потому что любил их, так?

– Да.

– И скорее всего твои родители больше не держали домашних животных?

– Нет. Они хотели, но я был против.

– Интересно, – я услышал, как Илья перевернул лист блокнота и что-то записал. – Расскажи мне о своей первой школьной любви.

Я напрягся.

– Почему ты так уверен, что она у меня была?

– Я не уверен, но мы должны начать с самого начала. Если школьной любви не было, то пойдем дальше, – ответил он.

Воспоминания накрыли меня волной боли и вины, разбив в клочья дамбу, которую я мысленно выстроил между мной и прошлым.

– Василий, с тобой все в порядке? – услышал я озабоченный голос Ильи.

– Я не хочу об этом говорить, – сказал я и открыл глаза. –

Это была плохая идея. Прости.

Я встал. Илья встал вслед за мной.

– погоди, Василий, ты для этого и пришел ко мне. Давай прямо сейчас разберемся с этим раз и навсегда. Нельзя всю жизнь бежать от того, что причиняет боль. Сядь.

Я смотрел на Илью, но вместо его лица видел лицо Кристины.

– Сядь, – повторил он, – расскажи мне, от чего ты бежишь.

Я сел, закрыл глаза и, с трудом сдерживая нахлынувшие чувства, начал рассказывать.

– В шестом классе к нам перевели девочку по имени Кристина. Она была приемным ребенком. Замкнутая в себе. Ни с кем не общалась. Такое поведение не могло остаться незамеченным для всего класса. Кристину сразу же перевели в изгой. Весь класс издевался над ней. Все, кроме меня. Я некоторое время был безучастным, но чувствовал, что должен вмешаться и остановить этот беспредел.

– Интересно, – я слышал, как карандаш Ильи скользил по бумаге, – дальше.

– Как-то зимой ребята отняли у неё портфель и, словно мяч, кидали его друг другу. Кристина бегала от одного к другому. Весь коридор смеялся. Когда я хотел вмешаться и остановить это безобразие, портфель упал. Она нагнулась, чтобы его поднять. Серая кофта, которая была на ней, слегка поднялась, и я заметил синяки на её спине. Кристина, заливаясь слезами, под громкий смех коридора, кинулась к выходу. Я

побежал за ней. Остановил её. С большим трудом успокоил и пообещал, что отныне никто её не будет обижать. Я не стал её расспрашивать про синяки на спине. Она бы мне тогда все равно не рассказала.

Карандаш Ильи продолжал скользить по бумаге.

– Я стал её защитником. Никто с тех пор не смел её обижать или насмехаться над ней. А те, кто пытались это сделать, имели дело с моим кулаком. Время шло. Мы с ней сдружились. Я стал замечать, что синяки стали появляться и на руках. Однажды я решился и спросил о них. Кристина не хотела мне рассказывать, долго сопротивлялась, но все же рассказала. Оказалось, что её приемный отец, когда напивался, бил жену и приемную дочь. Меня охватила злость, но что я мог тогда сделать? Кристина говорила, что это происходит редко, просто синяки долго заживают. Я продолжал защищать её от сверстников и попутно думал, как её уберечь от побоев отца. Потом так случилось, что я слег с большой температурой и дней десять не ходил в школу. За это время я понял, что сильно скучаю по ней. Возможно, именно тогда я осознал, что влюблен. Мне хотелось признаться в этом Кристине.

Я замолчал. Мне с трудом удавалось сдерживать себя.

– И что было дальше? – тихо спросил Илья.

– Когда я вернулся в школу, то узнал, что Кристина умерла. Ребята, воспользовавшись моим отсутствием, загнобили её. Как выяснилось потом, чтобы не терпеть хамства одно-

классников, Кристина решила не ходить в школу. Она осталась дома именно в тот день, когда её приемный отец был сильно пьян. Он, как всегда, принялся бить свою жену, а когда девочка решила помочь приемной матери, этот ублюдок, не рассчитав своих сил, ударил и её. Ударил так, что Кристина отлетев, стукнулась головой. Насмерть.

Глава 5

В кабинете стало тихо. Голос Ильи прозвучал, словно гром:

– Не сдерживай себя.

И я заплакал. Плакал, и говорил сквозь слезы:

– Это я виноват в её смерти. Если бы я тогда не заболел, она бы не осталась дома. Я не сдержал своего обещания. Я не защитил её.

– Ты не виноват, Василий.

– Виноват! – кричал я. – Мне надо было ходить в школу несмотря на болезнь.

– Тогда это было не в твоих руках.

– Я виноват в её смерти! – крикнул я и вскочил.

Илья быстро оказался рядом. Он потряс меня за плечи и повторил:

– Ты не виноват! Успокойся, – после чего обнял. – Плачь. Выпусти все, что ты столько лет держал взаперти.

Когда я более-менее успокоился, Илья включил свет, взял в руки блокнот, попросил меня сесть и выслушать его.

– Во-первых, – начал он, занимая свое место, – ты абсолютно не виноват в смерти Кристины. Ты поступил благородно в отличии от других детей в классе. Возможно, по началу ты держал нейтралитет, но ведь потом ты обеспечил за-

щиту девочки.

Илья что-то обвел карандашом и продолжил:

– Во-вторых, ты не виноват также и в том, что заболел. С другой стороны, смотри, если бы не твоя болезнь – ты бы ещё долго не понимал, насколько Кристина тебе дорога. В-третьих, в том, что с ней произошло, виноваты отец и мать, которая позволяла мужу поднимать руки на себя и на дочь, – Илья положил блокнот на стол. – Сейчас мы с тобой попытаемся переписать программу в твоём мозгу, которая из-за прошлого опыта не дает тебе строить отношения в настоящем. Мои методы немножко отличаются от методов моих коллег, но, как показывает практика, мой подход к делу работает и ещё не давал осечку. Закрой глаза.

Я сделал, как попросил Илья.

– Представь, что перед тобой океан. Ты стоишь на горячем песке в двух шагах от воды и полной грудью вдыхаешь свежий воздух. Теплый океан пытается лизнуть кончики твоих ног. Представил?

– Да, – ответил я, делая глубокий вдох.

– У тебя есть задача и необычная способность. Задача состоит в том, что тебе нужно нырнуть в воду и со дна океана достать необыкновенный жемчуг. А способность твоя заключается в том, что ты можешь дышать под водой. Представил?

– Да.

– Теперь ты идешь навстречу океану, не сопротивляясь

его объятьям. Теплая вода радостно обволакивает твои ноги, вот она щекочет живот и спину, её жидкие теплые руки перекинулись на твои плечи, а затем и на голову. Ты под водой. Океан синий, но прозрачный. Тебе нужно отплыть как можно дальше от берега. Отплыл?

– Да. Люблю плавать.

– Отлично, теперь ныряй все глубже и глубже, пока не достигнешь дна океана. Глубина не сопротивляется тебе и не пытается вытолкнуть своим давлением, а наоборот притягивает тебя. Ты видишь дно?

– Да.

– Видишь, сколько ракушек на дне океана?

– А должен?

– Да. Представил? Они должны быть разного цвета и размера.

– Да. Вижу.

– Найди ту ракушку, цвет которой символизирует воспоминания о Кристине.

Я напрягся. Стал вглядываться повнимательней. Кристина, несмотря ни на что, была сильным человеком, но в тоже время и несчастной.

– Фиолетово-серая ракушка, – произнес я.

– Отлично, – сказал Илья. – Бери её. Избавься от ракушек. Тебе нужен только жемчуг, что внутри.

– Сделано.

– Удивись! Тебе досталась необычная жемчужина. Она в

форме латинской буквы «Y». Представил?

– Да.

– Теперь можешь всплыть и открыть глаза.

Я сделал, как велел Илья.

– Смотри, – сказал он, показывая мне блокнот, на котором была начерчена та самая латинская буква. – Ракушки, от которых ты избавился, – это воспоминания, которые все это время причиняли тебе боль. Воспоминания, из-за которых ты себя винил. На основе этих воспоминаний твоё подсознание решило защищать тебя от боли в будущем. Теперь те воспоминания остались на дне океана. С собой ты вытащил только жемчуг, способный мотивировать тебя и питать своей энергией.

– Каким образом? – вопросительно поднял я брови.

– Смотри, – Илья закрыл нижнюю часть буквы. Теперь вместо буквы «Y» получилась буква «V», – этот знак символизирует твоё благородство.

– Каким образом? – не понимал я.

Илья карандашом показал на левую часть рисунка и прокомментировал:

– Эта часть говорит о том, каким ты оказался милосердным, что не прошел мимо мертвого кота, а похоронил его...

– Любой на моем месте поступил бы так же, – не согласился я. – Если бы это был не мой кот, то я прошел бы мимо.

– Возможно, но есть и такие, которые не стали бы этого делать, даже если бы знали, что это их кот. Поверь мне, в

моей практике встречались случаи, когда люди отказывались на прощание целовать умерших родителей, лежащих в гробу. Под осуждающими взглядами они все-таки делали это, а потом теряли покой и чуть ли не сходили с ума. Есть люди, которые ни за что не станут трогать труп. Ты же не просто поднял тельце кота и убрал в сторонку, но еще и похоронил. Ты в тот день не привязанность похоронил, а проявил милосердие и заботу.

Я промолчал. Действительно свой поступок с такой позиции я никогда не рассматривал. Илья показал на правую часть рисунка.

– Эта часть будет тебе напоминать о том, как ты боролся с несправедливостью и защитил слабого человека. О том, как тебе удалось подарить Кристине спокойствие и веру в то, что теперь у неё есть не только защитник, но и друг. Только так ты должен смотреть на эту ситуацию. Сколько мальчиков было в вашем классе?

– Пятнадцать, – ответил я.

– Среди пятнадцати мальчишек ты единственный проявил храбрость противостоять несправедливости.

Илья направил карандаш на нижнюю часть картинки.

– Догадаешься, что означает третья часть буквы?

Я попытался угадать, но у меня не получилось.

– Нет, не знаю, – ответил я.

– Она говорит о том, что ты прислушиваешься к своей совести.

– То есть?

– Ты делаешь пожертвования.

– И что? – не улавливал я связь.

– Ты винил себя за смерть Кристины. Хотя ты абсолютно в этом не виноват. Однако совесть не давала тебе покоя. И тогда подсознание подсказало выход из ситуации, дабы вернуть тебе спокойствие. Ты стал делать пожертвование в детские дома.

Я нахмурился, пытаюсь понять к чему ведет Илья. Когда я это понял, теплая волна нежности накрыла мое тело. Нежности к Кристине.

– Кристина была из детского дома, – сказал я.

– Ага, – кивнул Илья. – Тебе не удалось уберечь Кристину, в чем нет твоей вины, но теперь ты по мере возможности помогаешь другим сиротам.

Илья оторвал листок блокнота с латинской нарисованной буквой и передал мне.

– Держи. Каждый раз, когда ты будешь впадать в уныние и снова себя обвинять, смотри на жемчуг и вспоминай наш разговор. Но уверен, что после сегодняшнего дня ты перестанешь себя винить.

Илья улыбнулся и продолжил:

– Перейдем к твоей личной жизни. Тебе пора открыть свое сердце.

Теперь, когда я все рассказал Илье, я почувствовал спокойствие внутри, которого мне так долго не хватало. На ду-

ше стало легче, словно я сбросил с плеч тяжелую ношу.

Я убрал листок во внутренний карман пиджака и сказал:

– Да я и не против, но пока не было такого, чтобы у меня помимо тяги еще бы возникла искра к женщине.

– Это могло не произойти по двум причинам. Первое – ты подсознательно боялся, что снова не сможешь защитить свою половинку, поэтому старался избегать привязанности. Второе – возможно, ты пока просто не встретил свою женщину. Хотя есть и третий вариант: ты был закрыт и не слышал свое сердце, поэтому твоя женщина прошла мимо.

– Нет, – не согласился я с третьим вариантом. – Её точно ещё не было.

Мне вдруг стало интересно.

– А ты, Илья? – спросил я. – Ты встретил свою половинку?

Илья улыбнулся и ответил:

– Не поверишь, но я все ещё в поиске. Чувствую, что уже пора, но пока не встретил ту самую единственную.

– А что должно произойти? – поинтересовался я. – Как ты почувствуешь, что перед тобой твоя женщина?

– Будет, как ты и сказал, искра, а не только тяга. Тебе захочется не только обладать ею, как женщиной, но и просыпаться рядом с ней каждое утро.

Глава 6

Просыпаться рядом с ней каждое утро. Хм. А ведь по отношению к Виктории у меня такого желания нет. С другой стороны, я ведь постоянно думаю о ней, скучаю. Как бы то ни было, в пятницу утром я с замиранием в сердце отправил смс Виктории, и она ответила, что будет.

Мне нравится её выдержка.

На этот раз я выбрал итальянский ресторан. Посетителей было не так много, как обычно. Оно и понятно, первое января, многие еще не проснулись. Тем не менее тихая музыка Вивальди и итальянская речь шеф-повара, который из кухни кричал официантам, что очередное блюдо готово, создавали уютную атмосферу.

Красота Виктории была подавлена печалью в глазах.

– Плохо отметила новый год?

– Нет. Все хорошо. В кругу родных. Как отметил сам?

– Никак. Лег спать за два час до нового года.

– Хм... Как все запущено.

– Накаченный красавчик оказался не настолько хорош? – не обращая внимание на ее слова, сделал я еще одно предположение.

– Гнусный и лживый подонок.

– И ты поняла это за неделю?

– Еще раньше, – ответила она, листая меню.

– А ты пробовала жить без мужчины?

– Пробовала. Надолго меня не хватает.

– Так сильно зависишь от мужчин?

Виктория посмотрела на меня, потом опустила глаза и тихо прошептала:

– Я лишь слабая женщина.

– Которая повелевает сильными мужчинами?

– Я бы не сказала. Мужчины мне говорят, что я нечто большее, чем обычная женщина. Но потом уходят так, как будто я для них ничто.

– Они уходят не поэтому.

– А почему же?

– Понимают, что они сами никто по сравнению с тобой.

Виктория закатила глаза и с презрительной улыбкой на лице сказала:

– Ой, я тебя умоляю! Уходят они потому, что слабаки.

– Так и я о том же.

– А-а, ну тогда соглашусь. И как мне быть?

– Тебе нужен сильный мужчина.

– Где его найти?

– Он сам тебя найдет.

– Как?

– Для этого нужно быть слабой.

– Так я же слабая.

– Не притворяться слабой, а быть слабой.

– А это как?

– Плакать.

– От счастья? – хихикнула она.

– По счастью.

Улыбка, как будто ненужная маска, сползла с её лица. Глаза стали влажными. Капельки её ранимой души поплыли по щеке.

– Так? – шмыгнув носом, спросила она.

– Да. Ты хорошая актриса.

– Я не играю.

– Хм... Прости.

К нашему столику подошел высокий широкоплечий мужчина.

– Прошу прощения, – обратился он к Виктории. – Этот человек вас обидел?

Виктория посмотрела на защитника. Потом, словно маленькая девочка, похлопала ресницами и ответила:

– Нет. Все хорошо. Спасибо вам.

– Видишь? – сказал я, когда защитник удалился. – Подействовало.

Она вытерла слезы и прошептала:

– Да. Но не на того, на кого хотела бы я.

Я накрыл своей ладонью ладонь Виктории.

– Всему свое время.

– У тебя его почти не осталось, – предупредила она и убрала руку.

– Да, – сказал я, чувствуя, как сердце бешено стучится, – поэтому я решил сделать шаг и...

– Ого! Кого я вижу, – услышал я женский голос позади себя и обернулся.

К нашему столику подошли две рыжеволосые женщины. Одна из них покачивалась и, если бы не вторая, которая её держала, то первая давно бы упала.

– Привет, малыш, не узнаешь меня? – заплетающимся языком обратилась ко мне первая.

– Простите, мы разве знакомы?

– Ха! – крикнула пьяная. – Знакомы ли мы? Забыл? Конечно, мы для тебя всего лишь источник удовольствия.

«Черт, – подумал я, – неужели одна из моих бывших?»

Глаза посетителей и официантов устремились к нашему столику.

– Женщина, успокойтесь, – попытался я её утихомирить.

Но она и не думала этого делать. Посмотрела на Викторию и продолжила:

– Ты только с ним познакомилась? – пошатнувшись, пьяная уперлась ногой о наш столик. – Беги от него. Этот ублюдок настолько хорош, что тебе будет сложно выполнить его договор. Влюбишься – и он бросит тебя.

– Уведите её отсюда, пожалуйста, – обратился я к её рыжеволосой подруге.

– Пойдем, Милана, – сказала та и взяла подругу за руку.

– Нет! – крикнула она и выхватила свою руку. Затем по-

казала на меня пальцем и стала кричать: – Тебе не понять, что женщины эмоциональные существа. Мы любим не только телом, но и душой. Мы способны на глубокую и преданную любовь. А вам только секс подавай!

– Все, мне это надоело, – вскочила Виктория.

– Правильно, детка! Беги от него, как бабочка от огня. Сожжет тебя и глазом не моргнет, – кричала Милана.

– погоди, Виктория, – встал я. – Останься и послушай меня.

Виктория надела свое пальто, посмотрела на меня безразличным взглядом и выскочила из ресторана.

– Пошли, – тянула Милану к выходу подруга.

– Ура! – кричала Милана. – Я спасла сердце красавицы, которое могло бы разбить это чудовище!

– Хватит, – говорила её подруга, – успокойся.

С большим трудом, но подруге все же удалось вывести Милану.

– Черт! – выругался я и встретился взглядом с выбежавшем из кухни шеф-поваром.

– Mi scusi, – сказал я, – volevo fare una dichiarazione d'amore ma mi hanno disturbato. ¹

Он понимающе кивнул, улыбнулся и сказал:

– Non fa niente. È ancora in tempo. ²

«Извините. Хотел признаться в любви, но мне помеша-

ли». ¹ (итальянский)

«Ничего, еще успеете». ² (итальянский)

Глава 7

Это же как должны были сойтись звезды, чтобы в одном месте собрались я, Виктория и Милана. Я не верю в случайности. Если в момент, когда человек хочет сделать важный шаг, ему мешают, то это что-то да значит. Хотя бы то, что Виктория не та женщина, которая мне нужна. Но почему тогда я все время о ней думаю? В четверг к концу приема Пукас повторил:

– Помни, бывает и так, что некоторые люди приходят к нам, как предтечи. Такие люди могут нам очень нравиться. С ними нам может быть очень хорошо. Но что-то внутри будет подсказывать, что этот человек хорош, однако пока он – не человек всей твоей жизни. Твой человек может прийти следом.

И все же всю ночь в пятницу и весь день в субботу я думал о Виктории. Я боролся с желанием позвонить ей или написать смс. Рождество через два дня. Я так устал праздновать его один. Для меня этот праздник несет в себе нечто большее, чем в него привыкли вкладывать. Для меня Рождество – это праздник только в кругу родных и близких людей. Конечно, я мог бы познакомиться с какой-нибудь очередной женщиной и провести этот день вместе с ней. Но это будет самообман.

В понедельник вечером я все-таки взял себя в руки и решил позвонить Виктории. Не думаю, что тот случай в ресторане мог серьезно её задеть. Мы же договорились, что наш пятничный ужин никак не должен мешать нашей личной жизни.

В тот момент, когда я взял в руки телефон, он зазвонил. На дисплее высвечивалась фотография Виктории. Мое сердце от волнения забилося сильнее.

– Алло.

– Привет! – услышал я её шепот. – Не помешала?

– Нет. Все нормально. Я и сам хотел тебе позвонить.

– Правда?

– Да. Хотел объясниться по нашей последней встречи и...

– Не важно, – перебила она меня, – я после этого долго думала и пришла к выводу, что нам не стоит и дальше друг друга обманывать. Я больше не хочу пятничного ужина с тобой.

Мое сердце, которое неистово билось, вдруг остановилось, уменьшилось до размера маленькой точки и лопнуло.

– Милая, в тот вечер...

– Не важно, Василий. Я устала. Несмотря на то, что у тебя есть глаза, ты при этом слеп. Ты отказывался видеть то, что я тебе была готова дать. Знаешь, я ведь тебя обманывала.

– В смысле?

– С тех пор, как я с тобой рассталась, у меня никого не было. Я всех мужчин выдумывала, чтобы вызвать в тебе рев-

ность. Но у тебя в груди не сердце, а камень. Ледяной камень.

– Неправда...

– Сейчас я встретила человека, с которым мне стало спокойней. Первый раз за все то время, пока я была с тобой и надеялась, я успокоилась и поняла, что ты безнадежен. Хочешь всю жизнь прожить один? Хорошо, живи.

– Почему ты говоришь шепотом?

– Он сейчас в ванной. Василий, больше не пиши и не звони мне. Удали мой телефон, пожалуйста.

– Неужели настолько хорош?

– Да. Представь себе. На тебе весь свет клином не сошелся. Только...

– Что?

– Не важно.

– Ну скажи.

– Фамилия у него немного смешная, но это не умиляет его доброго и заботливого сердца.

– И что же за фамилия?

– Какая тебе разница?

– Просто интересно, кому досталось такое сокровище, как ты.

– Сокровище, которое ты не ценил. Может оно и к лучшему.

– Какая у него фамилия?

– Пукас.

– ...

– Алло, – произнесла она, когда тишина затянулась.
– Нормальная фамилия, – сказал я.
– И человек нормальный. Не то, что ты!
– Как вы познакомились?
– Последовала твоему совету. Плакала в субботу вечером в том же японском ресторане, на котором мы были с тобой в прошлую пятницу. Смотрела на рояль, вспоминала тебя и плакала. И ко мне подсел мужчина с невероятно красивыми ресницами.

Виктория умолкла на несколько секунд, наверное, предаваясь воспоминаниям, потом прошептала:

– Ладно. Прощай Василий.
– Прощай.

Похоже, мне придется отказаться от приемов к Илье. Не хотелось бы его и Викторию ставить в неловкое положение.

Наверное, между мной и Викторией была почти любовь. Но то самое неуловимое и необъяснимое «почти» и помешало нам быть вместе.

Я бросил телефон на кровать и подошел к окну. За окном беззаботно падал снег. Послезавтра Рождество. И снова я буду праздновать его в одиночестве.

ЭПИЛОГ

Во вторник утром я по вычищенной от сугроба дороге подъехал к дверям детского дома. Оставляя машину рычать, и, не надевая шапку, я вышел, захлопнул дверцу и прислонился к машине, спиной чувствуя вибрацию моей колымаги.

Мороз холодными ручищами принялся гладить мое лицо. Я смотрел на входную дверь и думал:

«Где же эта тетка?»

Выезжая из дома, я отправил новой сотруднице смс, что буду через час. Подъезжая к зданию, повторно отправил, что я почти рядом. И все равно мне приходится томиться в ожидании. Я посмотрел наверх. Пушистые и колючие хлопья падали на мое лицо и сразу же таяли. Я вернул взгляд к двери и замер.

Ко мне вышла не тетка. Новой сотрудницей оказалась молодая девушка. Как только она появилась в дверях детского дома, все вокруг замерло. Даже снежные хлопья замедлили скорость падения.

Несмотря на то, что красавица с длинными золотистыми и кудрявыми волосами находилась в десяти шагах от меня, я ощущал исходящее от неё тепло и свет. С каждым её приближением я чувствовал, как в груди разорванные в клочья кусочки сердца снова соединились в маленькую точку, точка

увеличилась до прежних размеров и начала неистово биться.

Когда девушка подошла ближе, наши взгляды соприкоснулись. Её серые глаза заорожили меня. То ли от смущения, то ли от мороза щеки красавицы покраснели.

– На заднем сидении? – услышал я чарующие нотки её голоса.

– Что? – я проследил за её пальцем. – Ах да. То есть нет. Подарки в багажнике. Сейчас.

– Мне вам помочь?

– Нет. Спасибо. Я сам.

– Хорошо, тогда следуйте за мной.

«За тобой хоть на край света», – подумал я, но вслух сказал:

– Хорошо.

Я поднял пакеты, закрыл багажник и пошел за ней. Зеленое пальто, которое было на ней, не скрывало, а наоборот подчеркивало её изысканную фигуру. Мы шли по длинному коридору, потом повернули направо и по винтовой лестнице поднялись на второй этаж. Она вошла в кабинет и, придерживая дверь, пригласила меня войти.

– Положите вещи на тот круглый стол.

Я так и сделал.

Она села за другой стол, открыла толстую тетрадь и принялась водить по ней ручкой. Я смотрел на неё и чувствовал себя юнцом. Куда пропали мой опыт и моя дерзость? Почему я, как истукан, смотрю на неё и не могу заговорить? Может,

мне спросить её, занята ли она завтра вечером?

– Простите...

– Да? – она подняла голову.

Боже мой! Её лицо сияло свежестью, а взгляд чистотой.

– Ммм... – промямлил я.

– Я сейчас отмечу в журнале, что все получила. Вы подпишите и можете идти.

– Нет, я не про это.

– А про что?

– Ладно, не важно, – не решился я. – Где нужно ставить подпись?

– Вот тут.

Я подписал и, с трудом сдерживая колотящееся сердце в груди, направился к двери. Потом мой взгляд упал на рояль.

– Братья Дидерихс?

Красавица посмотрела на рояль.

– Да, кажется.

– Настроен?

– Конечно.

– Здорово. А можно мне? – я сделал движение пальцами, что означало поиграть.

– Да, конечно, – улыбнулась она.

Я сел за рояль. Нажал несколько клавиш. Потом закрыл глаза и стал играть. Когда я закончил, то увидел рядом с собой красавицу. Её взгляд сиял восторгом.

– Это Бетховен?

– Нет. Это я.

– Правда? Вы музыкант?

– Не совсем, – ответил я. – Так, самоучка.

– Самоучка и можете так хорошо играть? Да еще и сочинять?

– Как-то само собой получается.

В голове прозвучали слова Ильи про талант: «Должно быть что-то одно, что дается тебе легко и доставляет огромную радость».

– А вы можете... Ммм... – замялась красавица. Её щеки залились румянцем.

– Что?

– Ладно, не удобно.

– Скажите, что? – настаивал я

– Наш учитель по музыке заболел и завтра не сможет присутствовать на празднике. А другого мы еще не нашли. Да и этого хотим уволить. Работает сквозь рукава.

– И?

– Смогли бы вы его завтра заменить?

– С удовольствием! – обрадовался я. – А ноты есть? Что нужно играть?

– Да, конечно, – она отошла к столику в углу и вернулась с черной папкой в руках.

– Вот.

Я просмотрел ноты.

– Ничего сложного. Правда, придется порепетировать.

– Да, конечно! – она стала радостно хлопать. – Я тогда позвоню директрисе. Она будет приятно удивлена.

– Ага, – сказал я. Потом решил взять себя в руки: – А вы не с мужем будете на Рождество?

Её щеки снова залились румянцем.

– Я не замужем, – тихо ответила она.

– Будете справлять праздник с родителями?

– Родители остались в деревне. Днем отпраздную тут с детьми. Вечером с подругой, у которой живу. Я всего как две недели в Москве. Пока никого не знаю.

– Понятно.

– А вы?

– Что я?

– Ваша жена не будет против, что вы завтра тут будете?

«Молодец, девочка», – подумал я.

– Нет. Я не женат.

– Понятно, – сказала она. Щеки еще больше покраснели.

– Я тогда схожу заглушу мотор и вернусь?

– Да, конечно, – кивнула она.

– Кстати, меня Василий зовут.

– Да я знаю, меня Ольга, – она протянула руку.

– Приятно познакомиться.

– Мне тоже, – сказала она, одарив меня теплой улыбкой.

Я не бежал. Я летел. Летел, уверенный в том, что Ольга именно та женщина, которую я хочу видеть рядом, просыпаясь каждое утро. Наконец-то я встретил свою Еву.

Вот она какая – любовь!

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии CC0.